

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82.091

П.В. Алексеев

ОРИЕНТАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА В «ПУТЕШЕСТВИИ В АРЗРУМ ВО ВРЕМЯ ПОХОДА 1829 ГОДА» А.С. ПУШКИНА

Статья подготовлена при финансовом содействии гранта Президента Российской Федерации для поддержки молодых российских ученых МК-1840.2014.6

Анализируются принципы ориентализации пространства в травелоге А.С. Пушкина. Рассматривается содержание понятий «ориентализация» и «ориентальное пространство» в контексте колониального дискурса первой половины XIX в. Исследуется проблема взаимоотношения субъекта и объекта ориентализации в отношении русского ориентализма. В рамках концепции восточной тирании анализируются также явные и скрытые аллюзии к декабристам, отступление о А.С. Грибоедове, а также приложение «Notice sur la secte des Yézidis».

Ключевые слова: Пушкин; «Путешествие в Арзрум»; травелог; ориентализм; ориентализация; колониальный дискурс.

«Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» (далее «Путешествие»), возможно, самый значительный ориентальный травелог в русской литературе первой половины XIX в. Он занимает особое место в ряду художественных и художественно-документальных текстов о кругосветных плаваниях, путешествиях в Турцию, Иран и азиатские области Российской империи. Этот статус определяется тем, что описание частного путешествия русского дворянина в Закавказье и Азиатскую Турцию многократно усложнило ориентальный дискурс русской литературы формированием более сложного, реалистического образа Востока, который непосредственно связан с культурой и историческими судьбами России. Кроме того, «Путешествие» замыкает круг ориентальных текстов Пушкина и поэтому может быть рассмотрено как итог его творческого освоения восточной темы, основанной в 1830-е гг. на глубоком интересе поэта к вопросам истории и геополитики.

«Путешествие» создавалось спустя шесть лет как двойная ретроспекция: о путешествии 1829 г. и о первом посещении Кавказа в период «южной ссылки». Это позволило Пушкину изначально заложить полемический и релятивный момент в структуре травелога. Кроме собственного путевого дневника, помогающего восстановить в памяти хронологию событий, Пушкин пользовался широким кругом научных и литературных источников. Композиция травелога тщательно проработана, поражая сетью внутри- и внетекстовых отношений, свидетельствуя о широком интертекстуальном поле, а также о присутствии подтекстового уровня (например декабристская тема). Точка зрения повествователя усложняется введением ориентальной маски – янычара Амин-Оглу. Все это создает немало вопросов, достойных самого пристального рассмотрения. В какой степени нарратив травелога отражает реальное путешествие и каковы точки сближения интенций автора и повествователя? Какова роль гаремных мотивов стихотворения «Стамбул гяуры нынче славят», приписанного вымышленному янычару, в структуре травелога? Каков биографический и литературный контекст произведения?

Этим и подобным вопросам поэтики и генезиса «Путешествия» посвящены работы Д.Д. Благого,

Ю.Н. Тынянова, В.Л. Комаровича, В.А. Кошелева, М.И. Шапира, А. Долинина, М.И. Гиллельсона, W. Vickery, A. Schonle и др. Начиная со второй половины XX в. была создана добротная текстологическая и историко-литературная основа дальнейших исследований, но системный вопрос о роли «Путешествия» в конструировании русского образа Востока до сих пор не был поставлен. Между тем «Путешествие» отражает дискурс русского ориентализма как специфического стиля мышления, основанного на таком мифологическом представлении о месте России в мире, при котором Запад (прежде всего страны Западной Европы) и Восток (главным образом мусульманские территории) являются необходимым средством утверждения русской национальной идентичности, колеблющейся между полюсами западно-восточной дихотомии. С такой точки зрения арзрумский травелог, «Бахчисарайский фонтан» (1821–1823), «Кавказский пленник» (1822), «Подражания Корану» (1824), «Пророк» (1826), «Песни западных славян» (1833–1834), «Послание к Калмычке» (1829), «Из Гафиза» (1829), «Делибаш» (1829) и другие произведения Пушкина, включенные в дискурс русского ориентализма на правах системообразующих текстов, представляют собой область малоисследованную. Одним из первых шагов на этом пути будет установление концептуальных принципов ориентализации пространства в «Путешествии».

Ориентализация пространства в любом травелоге – это семиотический процесс творческого освоения наблюдаемой территории, при котором она наделяется специфическими чертами «восточности» в дискурсе ориентализма. Ориентализация – это диалектический механизм «изобретения» Востока. Восточность, или ориентальность, при этом прямо не обусловлена спецификой локуса: как показали саидовские и постсаидовские исследования, исключительным правом конструирования образа Востока обладает сам субъект ориентализации – путешественник, ученый, торговец, дипломат и др., и в каждом конкретном случае он самостоятельно (но все же в рамках ориентализма) решает вопрос о том, где и как проводить границу на мифопоэтическом глобусе. В постколониальных исследо-

ваниях на Западе с 1980-х гг., в особенности при исследовании гендера, возникает понятие «двойной ориентализации» – по аналогии с феминистским термином «двойной колонизации» женщины (угнетения со стороны колонизаторов и местного патриархального сообщества) [1. С. 32]. С некоторыми оговорками в отношении русского ориентализма можно говорить о «двойной ориентализации» в плане того, что активное освоение восточного пространства и восточных тем русской культурой и русским империализмом первой трети XIX в. неминуемо рассматривалось в контексте европейской ориентализации России – ориенталистского «изобретения» образа России как отсталой, варварской, дикой территории.

Исследования колониального дискурса в культурах Америки, Западной Европы и России второй половины XVIII – первой половины XIX в. значительно раздвинули рамки понятия «Ориент». Так, например, в предисловии к книге «Байрон и Ориентализм» Питер Кокран (Peter Cochran) указывает на то, что ориентальное пространство – весьма широкий концепт, который включает в себя территории Ирландии (огнепоклонники-зороастрийцы как метафора противостояния католиков и протестантов), Шотландии («варварские» горы в поэмах и первом романе В. Скотта), Мексики (в поэме «Медок» Р. Саути), островов Тихого океана (в поэме Дж. Г. Байрона «Остров») и др., которые в империалистическом дискурсе эпохи объявляются «не англосаксонскими», «странными» и «варварскими» [2. С. 1]. Понятие «ориентальное пространство» распространяется не только на иноземные владения «варваров», но и на внутренний «Ориент», каковым для России являлся Кавказ и все территории за Уралом, а для США – земли индейцев.

Центральным критерием обширного понятия «ориентальности» в современной критике, таким образом, становится не собственно «восточность», а удаленность в противоположную сторону от центра современной «просвещенной» цивилизации – Западной Европы, что создает начальную и конечную точки координат на оси «цивилизованности». Говоря, к примеру, об «изобретении Восточной Европы» европейцами в XVIII в., Ларри Вульф развивает концепцию ориентализма Э. Саида и наглядно демонстрирует, каким образом европейские путешественники шаг за шагом формировали миф о Восточной Европе, помещая государства к востоку от Европы на «шкалу относительной цивилизованности», конструируя «схему развития от глубочайшего варварства к обычной отсталости, постепенно приближаясь к цивилизованности как таковой» [3. С. 77]. Путешествующие европейцы исследовали в таком ракурсе Польшу, Россию, Грецию, Балканы и другие территории, споря между собой о степени цивилизованности и отсталости ориентализуемых территорий, но всегда были согласны в одном: существующая дистанция до конца непреодолима, в противном случае все здание ориентализма, утверждающее идею европейского превосходства, может быть разрушено.

Если начальной точкой на этой оси является просвещенная Западная Европа, то противоположный полюс, удерживающий эту конструкцию в жизнеспособном состоянии, занимает ее основной ментальный противник – мусульманский Восток. Эта схема, безупреч-

ная с точки зрения путешественника-европейца, значительно трансформируется, если новым субъектом европейской ориентализации становится один из ее объектов – Россия. Фактически формируется новый центр на этой оси координат. В связи с тем, что Россия включилась в колониальный процесс позднее, а также в связи с тем, что русский дискурс ориентализма был создан под влиянием западноевропейских тенденций, русская ориентализация пространства изначально амбивалентна, и эта амбивалентность достигает своего апогея в эпоху российского колониализма в XIX в. Русский империализм порождает собственный дискурс, но базовые методы и приемы ориентализации заимствует из западноевропейского ориентализма.

Первое, на что нужно обратить внимание при анализе механизмов русского ориентализма в травелогах, – это субъект персональной ориентализации, поскольку именно он осуществляет отбор путевого материала. В «Путешествии» субъектом ориентализации выступает автор-повествователь, представляющий результаты своего вояжа на русско-турецкую войну 1828–1829 гг. При этом, по замечанию Ю.Н. Тынянова, «...герой “Путешествия в Арзрум”, авторское лицо, от имени которого ведутся записки, – никак не “поэт”, а русский дворянин, путешествующий по архаическому праву “вольности дворянской” и вовсе не собирающийся “воспевать” чьи бы то ни было подвиги» [4. С. 67, 68]. Здесь нужно уточнить, что такое категорическое утверждение Тынянова обусловлено его стремлением сконцентрироваться на политической оппозиционности Пушкина. Для понимания механизмов ориентализации пространства в «Путешествии», напротив, крайне важно неоднократное указание автора на то, что повествователь – поэт. Это позволяет выделить «литературность», или «книжность», как базовый принцип проведения границы между Западом и Востоком в пушкинском травелоге: демаркация мифологических границ Запада и Востока осуществляется только в пространстве культуры.

В качестве повода для написания травелога повествователь указывает необходимость литературного ответа на вышедшую в Париже книгу французского дипломатического агента Виктора Фонтанье «*Voyages en Orient, entrepris par les ordres du Gouvernement Français*» (1834), в которой содержались не только язвительные замечания по поводу участия в арзрумском походе поэта Пушкина, но и резкая критика политики российского правительства на Востоке, характеризующейся как «варварская» и «азиатская». В частности, по мнению Фонтанье, это проявилось в том, что русские генералы не брезгают использовать религиозную рознь между суннитами и шиитами, при этом нимало не заботясь о христианском населении на покоренных территориях [5. С. 256, 267]. Эти и подобные им реляции Фонтанье послужили поводом для публикации «Путешествия» (по версии А. Долинина, не только публикации, но и написания «в форме полуфиктивных “путевых записок”» [6. С. 115]), а политический «восточный вопрос» позволил Пушкину обойти цензуру С.С. Уварова, непосредственно апеллируя к царю [7. С. 35].

Фонтанье рассуждал как классический ориенталист, для которого Россия наряду с Портой располагалась на

«оси цивилизованности» в удалении от просвещенной Европы, поэтому Пушкину для создания русского ориентального дискурса необходимо было сделать нечто большее, чем просто опровергнуть доводы Фонтанье. Пушкину требовалось, с одной стороны, демонстративно дистанцироваться от государственной политики на Кавказе и в Закавказье, представив нарратора, в отличие от Фонтанье, как частного путешественника-литератора, не имеющего «нужды в покровительстве сильных» [8. Кн. 1. С. 444] и обязанности говорить официальным языком от имени империи: «Я не вмешиваюсь в военные суждения. Это не мое дело» [Там же. С. 443]. С другой стороны, Пушкину требовалось утвердить мысль о единстве европейской цивилизации, противопоставленной «варварскому» Востоку в дискурсе ориентализма [6. С. 124].

В результате такого подхода ориентализация пространства совершается от лица просвещенного европейца, который, подобно русскому путешественнику «с книгой в руках» Н.М. Карамзина, свободно украшает свою речь выражениями на французском, английском и итальянском языках, а также поминутно цитирует то античных, то современных европейских и русских литераторов. Широкое использование реминисценций и автореминисценций позволяет Пушкину сформировать такое пространство текста, в котором образ Востока наполняется противоречивыми характеристиками: происходит смешение «высокого» и «вульгарного» («Кавказ нас принял в свое святилище» и рядом – осетинские мельницы, похожие на «собачьи конуры» [8. Кн. 1. С. 450]), «европейского» и «азиатского» (использование института «аманатства» в России, персидский принцип в европейской коляске, европейско-азиатская архитектура Тифлиса), «роскошного» и «убогого» («грузинские деревни издали казались мне прекрасными садами, но, подъезжая к ним, видел я несколько бедных сакель, осененных пыльными тополями» [Там же. С. 459]), «официального» и «смешного» («Раевский приказал уланам прекратить преследование кур и послал полковнику А<нрепу> повеление воротиться» [Там же. С. 450]).

Такой принцип контрастного изображения Востока имеет прямое отношение к литературной традиции. Однако было бы глубоким заблуждением отрицать политическое содержание «Путешествия». Дистанцируясь от действий официальных властей, повествователь формирует свое видение «восточного вопроса» и миссии России на Востоке: «Должно, однако ж, надеяться, что приобретение восточного края Черного моря, отрезав черкесов от торговли с Турцией, принудит их с нами сблизиться. Влияние роскоши может благоприятствовать их укрощению: самовар был бы важным нововведением. Есть средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедание Евангелия» [Там же. С. 449].

Несмотря на то, что в пушкинской формуле «самовар и Евангелие» явно усматривается ирония и резко негативное отношение Пушкина к колониальной политике [4. С. 72], ориентальный дискурс «Путешествия в Арзрум» не отрицает необходимость ориентализации, практической стороной которой является установление контроля, а лишь ставит вопрос о ее методах. Ориента-

листский принцип превосходства европейского над «варварским» также функционирует в «Путешествии» в рамках дискуссии о методах ориентализации. Введенный Ермоловым «азиатский» обычай держать аманатов (заложников из княжеских детей покоренных народов на Кавказе) осуждается в «Путешествии» так же, как и варварские обычаи турков отрубать головы русских и отправлять их в Константинополь. Покорение должно проходить так, чтобы приобретение российского контроля сопровождалось просвещением и установлением порядка (именно беспорядок – ключевой концепт, лежащий в основе пушкинского описания азиатской территории в «Путешествии»).

Доминирование – важнейший принцип ориентализации пространства, поскольку показывает границы культур в плане оценки. Принцип европейского доминирования в «Путешествии» (включая намеки на Петра Великого, А.П. Ермолова и Наполеона) во многом сходен с путешествиями западноевропейцев, «изобретающих» образы Восточной Европы и России: повествователь ориентального травелога демонстрирует свою «ученость» ссылками на многочисленные научные и литературные источники и повсеместно подчеркивает «странность», «дикость» и «необустроенность» людей и пространства, при этом не забывая классифицировать и оценивать. Оценка воспринимается путешественником как его неотъемлемое право в силу того, что он европеец, представитель доминирующей культуры. В «Путешествии» большая часть оценка завуалирована беспристрастным описанием: «Армяне, грузинцы, черкесы, персияне теснились на неправильной площади; между ими молодые русские чиновники разрезжали верхами на карабахских жеребцах» [8. Кн. 1. С. 456]. Эпизод в турецкой деревне наглядно демонстрирует сказанное: «Соскочив с лошади, я хотел войти в первую саклю, но в дверях показался хозяин и оттолкнул меня с бранию. Я отвечал на его приветствие нагайкою. Турок раскричался; народ собрался. Проводник мой, кажется, за меня заступился. Мне указали караван-сарай; я вошел в большую саклю, похожую на хлев; не было места, где бы я мог разостлать бурку. Я стал требовать лошадь. Ко мне явился турецкий старшина. На все его непонятные речи отвечал я одно: вербана ат (дай мне лошадь). Турки не соглашались. Наконец я догадался показать им деньги (с чего надлежало бы мне начать). Лошадь тотчас была приведена, и мне дали проводника» [Там же. С. 464].

Путешествующий европеец, осуществляющий оценку культурного развития местного населения, считает своим правом потребовать предоставления услуг, без лишних раздумий прибегая к оружию. Этот мотив типичен для европейского дискурса ориентального травелога конца XVIII – первой половины XIX в., о котором А.С. Пушкин показал удивительную осведомленность. Л. Вульф, рассуждая о том, что насилесть есть важнейшая тема ориенталистского дискурса, приводит в пример путешествие барона Франсуа де Тотта, чьи мемуары были опубликованы на французском языке в 1785 г. в Амстердаме. Путешествуя по османским землям Молдавии в сопровождении турка Али-аги, барон возмущается насилием, которое чинит турок над местным населением, философски полагая, что те же услуги

можно получить за деньги. Али-ага с усмешкой предлагает Тотту воплотить свою теорию на практике и одерживает над ним сокрушительную победу, доказывая, что без применения насилия в пространстве Востока нельзя добиться ничего: невзирая на деньги, только под градом турецких ударов выясняется, что молдаванин неплохо говорит по-турецки и готов предоставить путешественникам все необходимое [3. С. 126–128].

Не выходя за рамки дискурса ориентализма, Пушкин вступает в прямую полемику с ориенталистским редукционизмом. Если барон де Тотт попал в неловкое положение из-за своего «упрямого человеколюбия», нарратор в «Путешествии» оказывается посрамлен по причине своих европейских стереотипов. В этом коренное отличие пушкинского подхода к настоящей, а не поверхностной просветительской трансформации Востока (и азиатских черт России): ориентализация (когда Восток является объектом описания, систематизации и оценки) и «вестернизация» (внутренний процесс, когда Восток является субъектом реформ) должны опираться на общечеловеческие принципы. Европейские нововведения, о которых идет речь в стихотворении «Стамбул гяуры нынче славят...», основаны не на просвещении, а на разрушении традиционных ценностей, что и составляет конфликт стратегем русского и западноевропейского типов ориентализма.

Описанный случай в турецкой деревне структурно повторяет эпизод беседы с персидским поэтом Фазил-Ханом, когда путешественник также попал в неловкую ситуацию по причине европейских стереотипов о Востоке: «Я, с помощью переводчика, начал было высокопарное восточное приветствие; но как же мне стало совестно, когда Фазил-Хан отвечал на мою неуместную затейливость простою, умной учтивостию порядочного человека! “Он надеялся увидеть меня в Петербурге; он жалел, что знакомство наше будет непродолжительно и проч.” Со стыдом принужден я был оставить важно-шутливый тон и съехать на обыкновенные европейские фразы. Вот урок нашей русской насмешливости. Вперед не стану судить о человеке по его бараньей папаше и по крашеным ногтям» [8. Кн. 1. С. 452, 453].

Несмотря на то, что пушкинский травелог подвергает пересмотру принципы западноевропейского ориентализма, противоречащие его русскому варианту, «Путешествие» использует, главным образом, инструментарий западноевропейского колониального дискурса. Об этом свидетельствует используемый в «Путешествии» принцип сексуального доминирования над Востоком. Этот принцип составляет основу многочисленных гаремных сюжетов и тем русской и западноевропейской литературы («Абидосская невеста», «Корсар» и «Гяур» Дж. Байрона, «Лалла Рук» Т. Мура, «Карелия» Ф. Глинки, «Беглец» А. Вельтмана и др.), в которых сюжетобразующей силой выступает европеец (персонаж или повествователь), волей судьбы оказавшийся в замкнутом и потому тираническом пространстве чувственного азиатского эротизма. Формируется ориенталистский дискурс, в котором женщина (восточная или европейского происхождения, как Мария в «Бахчисарайском фонтане») почти всегда – пленница, восточный мужчина (муж, отец, любовник) – ревнивый

деспот, а неусыпный страж – обязательно кастрат, вымещающий свою злобу на несчастных затворницах.

Вхождение в этот дискурс осуществляется на правах европейского доминирования: повествователь сообщает читателю о том, что он свободно разрушает закрытость гаремного пространства не только для европейцев, но и для посторонних мужчин-мусульман: «...я жил в сераскировом дворце в комнатах, где находился харем. Целый день бродил я по бесчисленным переходам, из комнаты в комнату, с кровли на кровлю, с лестницы на лестницу...» [8. Кн. 1. С. 479]. После этого путешественник из романтических развалин вторгается в реалистическое помещение функционирующего гарема Османа-паши на правах благородного завоевателя, оценивая «замысловатые» арабские настенные надписи из Корана и лица гаремных пленниц, тайком показавшиеся в круглом окошке над дверью. Подобное вторжение в закрытое пространство семиотически замещает сексуальное обладание Востоком.

Тема сексуального доминирования европейца над восточной женщиной начинается с эпизода свидания со «степной Цирцеей» – калмычкой, появившейся в тексте сразу за указанием на географический «переход от Европы к Азии». В записках, которые Пушкин вел во время путешествия 1829 г., беседа с калмычкой откровеннее демонстрирует отношение путешествующего ориенталиста к «дикарке»: «Молодая калмычка, собой очень не дурная, шила куря табак. Лицо смуглое, темно румяное. Багровые губки, зубы жемчужные – Замечу, что порода калмыков начинает изменяться – и первобытные черты их лица мало по малу исчезают – Я сел подле нее. Как тебя зовут? – – – сколько тебе лет? – десять и восемь – Что ты шьешь? – портка. Ком? – себя. Поцалуй меня. – Неможна, стыдно. Голос ее был чрезвычайно приятен» [Там же. Кн. 2. С. 1028]. Кокетство калмычки на деле оказывается сексуальными притязаниями повествователя, которые рассматриваются как его естественное право. Далее, в соответствии с законами ориентального дискурса, путешественник быстро теряет к ней интерес, обыгрывая ситуацию многозначительным мотивом бегства Улисса от Цирцеи. Заканчивается тема доминирования описанием гарема Османа-паши, после которого путешественник отправляется в обратный путь – в Россию.

Таким образом, формируется кольцевая композиция травелога: вход в восточное пространство и выход из него напрямую связаны с восприятием восточной женщины, персонифицирующей пространство смерти и вождения (этот концепт проявлен и в образе Шамаханской царицы, созданном незадолго до «Путешествия»). Маркируя западно-восточные границы, Пушкин, кроме культурологических задач, выполняет собственно литературные: образ восточной женщины в «Путешествии» олицетворяет факт преодоления литературного («байронического») ориентализма начала 1820-х гг. Пушкин разрушает романтический дискурс, в котором калмычка должна быть так же свободна и своенравна, как Земфира из «Цыган», а жены Османа-паши должны быть прекрасны, как Зарема или Мария из «Бахчисарайского фонтана». Повествователь выясняет, что жены Османа-паши не отличались особой красотой, а «степная Цирцея» хоть и приятна на вид, но

невежественна. При этом ни одна восточная женщина в «Путешествии» не стремится воплощать в жизнь романтический любовный конфликт «южных поэм», хорошо описанный В.М. Жирмунским, в котором «традиционным осложнением <...> является “любовь гаремной пленницы (любимой жены или дочери паши) к прекрасному чужестранцу или родственный мотив пленника (узника), возбуждающего любовь в туземной красавице”. Отсюда излюбленный выход – бегство из плена или из темницы, частично совпадающий с указанным выше мотивом похищения возлюбленной» [9. С. 299]. Пародируя романтический сюжет, повествователь бежит от калмычки, оставив несостоявшуюся возлюбленную пить тошнотворный чай с бараньим жиром и солью. В пространстве «маленького каменного строения» гарема и двух «тощих фонтанов» он также не задерживается надолго. Проблема сексуального доминирования не аннигилируется разрушением романтического дискурса, а осознанно эксплицируется во внелитературную проблему цивилизационного доминирования.

В рамках проблемы сексуального доминирования фигура восточного кастрата представляет больший интерес ввиду того, что она приобретает семиотическую значимость одновременно «отсутствия соперника» (для субъекта ориентализации) и сохранения традиционных ценностей (для объекта ориентализации). Так, в стихотворении «Стамбул гяуры нынче славят...», приписанном янычару Амин-Оглу, фанатичному ревнителю восточных традиций, образы арзрумского гарема и охраняющего его неподкупного евнуха призваны восстановить оппозицию «Запад – Восток», размытую европейскими нововведениями турецкого деспота Махмуда II. Этот султан, как видно из обоих вариантов стихотворения обвиняется не столько в уничтожении янычар как государственного института, сколько в вестернизации, грозящей потерей национальной идентичности. Способ введения этого стихотворения в ткань «Путешествия» («сатирическая поэма»), а также явный конфликт с идейным содержанием травелога позволяют однозначно утверждать, что Пушкин отнюдь не сочувствовал янычару, поскольку пространство, подвергающееся процессу ориентализации, должно быть деисламизировано и приобщено к европейской системе ценностей [10. С. 194].

Мотив восточного кастрата («евнуха»), функционирующий в таких поэтических текстах Пушкина, как «Бахчисарайский фонтан» (1821–1823), «Послание цензору» (1822), «Разговор Фотия с гр. Орловой» (1824), «Сказка о золотом петушке» (1834) и др., в «Путешествии» обрастает натуралистическими подробностями, появление которых в литературном тексте (даже под прикрытием наукообразной латыни) было отнюдь не обязательно и объяснимо только тем, что повествователь придавал им особую значимость. Повышенное внимание к образу евнуха у Пушкина ранее уже вызывало претензии критики. Так, например, в статье «Критический взгляд на “Бахчисарайский фонтан”, соч. А. Пушкина» (1824) В.Н. Олин недоумевал: «...чрезвычайно применно, что стихотворец, настоя, так сказать, в описании евнуха, хотел непременно *выставить* перед глаза своих читателей сего гаремского стража и прекрасно успел в своем намерении <...>

Сверх сего скажем, что изображение *евнуха*, к которому стихотворец, после первого описания, возвращается еще два раза, будучи слишком сильно *выставлено*, и, так сказать, на *трех* планах <...> чрезвычайно обременяет тесную основу и тесные рамы сей повести» [11. С. 198, 202]. Дважды выделив курсивом слово «выставить», критик настаивает на том, что евнух, как персонаж из «байронического мира», чужеродный «вшитый лоскуток» в ткани повествования, не заслуживает столь пристального внимания русской публики. Пушкин, в отличие от критиков, прекрасно понимал, что евнух является важным элементом мифопоэтического пространства гарема, необходимым для движения гаремного нарратива. Кроме того, в концептуальном плане евнух способствовал генерализации абсурда и противоестественности восточной тирании.

В «Путешествии» образ евнуха, говоря языком В.Н. Олина, был «выставлен» еще более заметно, осложняясь проблематикой мнимого и настоящего кастрата в контексте русской ориентализации Востока. Мнимый кастрат в «Путешествии» – не только пленный турок-гермафродит, сокрушающийся по поводу того, что «*deus*» оскотил его [8. Кн. 1. С. 472], но и сам повествователь, появление которого в бане, наполненной голыми женщинами, не вызвало должной реакции, как если бы туда зашел евнух: «Появление мужчин не произвело никакого впечатления. Они продолжали смеяться и разговаривать между собою. Ни одна не поторопилась покрыться своею чадрую; ни одна не перестала раздеваться. Казалось, я вошел невидимкой» [Там же. С. 456]. В то же время настоящий кастрат, упомянутый в «Путешествии», – это русский офицер, «коего история любопытна. 18-ти лет попался он в плен к персиянам. Его скопили, и он более 20 лет служил евнухом в хареме одного из сыновей шаха. Он рассказывал о своем несчастье, о пребывании в Персии с трогательным простодушием. В физиологическом отношении показания его были драгоценны» [Там же. С. 480]. Оскопленный русский офицер и мнимо оскопленный пленный турок и повествователь в пространстве бани конструируют единую схему, в художественные задачи которой входит насмешка над принципом насильственной ориентализации Востока.

Беллетристические злоключения русского офицера в рамках эпизода посещения гарема Османа-паши структурно соотносятся с грибоедовской концепцией обладания Востоком, ценой которого является плен, страдания и смерть. Реконструировать эту концепцию помогают такие стихотворения А.С. Грибоедова, как «Хищники на Чегеме» (1825), «Освобожденный» (1826), но особенно стихотворение «Восток», которое было опубликовано в № 6 «Библиотеки для чтения» за 1835 г. Ироничное высказывание «таким образом, видел я харем: это удалось редкому европейцу. Вот вам основание для восточного романа» [Там же. С. 481] следует рассматривать вполне серьезно: гарем как олицетворение ключевых ориентальных концептов тирании и сладострастия имеет в глазах автора большой нарративный потенциал, поскольку это напрямую связано с проблемой русской ориентализации пространства.

В рамках концепции восточной тирании следует рассматривать также явные и скрытые аллюзии к декабристам (мотивы разгрома янычар, хронологически

случившегося спустя полгода после декабристского восстания – в июне 1826 г.), принимавшим активное участие в турецкой кампании 1828–1829 гг., и значительное пушкинское отступление о Грибоедове, нашедшем на Востоке любовь и смерть. Первое упоминание о Грибоедове в контексте разговора с Ермоловым было подчеркнуто аполитично, однако и контекст беседы с Ермоловым, и последующее отступление о личности Грибоедова демонстрируют особенности нарративной стратегии «Путешествия»: политические высказывания повествователя функционируют в травелоге в плане «двойной структурности», так что некоторые из них контекстуально опровергаются другими высказываниями или тоном, показывающим истинное отношение к описываемым явлениям. Поэтому слова повествователя о том, что «о правительстве и политике не было ни слова» [8. Кн. 1. С. 446], в отношении самого Пушкина нужно понимать прямо противоположно. Основное содержание политических мотивов «Путешествия» – это вопросы взаимоотношения свободного человека и власти, что в рамках ориентального пространства неминуемо поднимает их на уровень культурологических.

Давно замечено, что грибоедовская тема в «Путешествии» занимает одну из центральных позиций, не ограничиваясь упоминанием искупительного персидского посольства в Россию и собственно грибоедовским эпизодом: эта тема «развивается при помощи разнообразных намеков, параллелей и включается в систему сложных смысловых связей на всех уровнях произведения» [12. С. 109]. Если декабристский подтекст может быть истолкован как намеки на оппозиционность Пушкина по отношению к официальной политике властей, то ермоловский и грибоедовский тексты не оставляют сомнений в том, что оппозиционность Пушкина имеет культурологические истоки и основывается на неприятии контрпродуктивных азиатских черт русского менталитета и самодержавия. Азиатские черты во внешности и в характере имеет «покоритель Кавказа» Ермолов: он по-европейски свободен от плебейства в отношении «тирана на троне», за что его уважали декабристы, но по-азиатски жесток, сам выступая тираном для народов Кавказа и Закавказья. Грибоедовский эпизод заканчивается словами, которые в ориенталистском дискурсе, как правило, применяются в отношении Востока: «замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...» [8. Кн. 1. С. 462].

Декабристы, которые в глазах Пушкина были борцами за свободу, пали жертвой деспотизма, культурологически соотносимого с мусульманским деспотизмом невежественных османов и персиян. Поэтому можно с уверенностью говорить о том, что ориентализация пространства в «Путешествии» начинается не в пределах Азии, когда разница климата и ландшафта становится видимой, но еще в пределах России, в контексте чего и следует понимать заявление повествователя: «Я весело вьехал в заветную реку, и добрый конь вынес меня на турецкий берег. Но этот берег был уже завоеван: я все еще находился в России» [Там же. С. 463]. Границы между Россией и Турцией оказываются размыты не в географическом отношении, а в концептуальном, поэтому этнографические и антропологические изыскания повествователя, вроде вопроса о распространенности

гермафродитов среди азиатов или тонкостей религиозного мировоззрения мусульманской секты язидов, призваны убедить читателя в том, что сообщаемые сведения дополнительно обладают функциями аллюзии.

Такова, на наш взгляд, особенность приложения «*Notice sur la secte des Yézidis*», которое Пушкин планировал вместе с «Маршрутом от Тифлиса до Арзрума» присовокупить к публикуемому тексту «Путешествия». С художественной точки зрения эта заметка была излишним дополнением, потому что тема религиозного волюнтаризма язидов была завершена в основном тексте «Путешествия» и не требовала такого подробного распространения. Упомянутая язидов среди других мусульманских беков, периодически собиравшихся в палатке генерала Н.Н. Раевского, повествователь сообщает, что его интерес к язидам возник ввиду того, что они слывут на Востоке «дьяволопоклонниками» [8. Кн. 1. С. 468]. Повествователь сохраняет спокойный исследовательский тон: «Начальник их, высокий, уродливый мужчина в красном плаще и черной шапке, приходил иногда с поклоном к генералу Раевскому, начальнику всей конницы. Я старался узнать от язидов правду о их вероисповедании. На мои вопросы отвечал он, что молва, будто бы язиды поклоняются сатане, есть пустая баснь; что они веруют в единого бога; что по их закону проклинать дьявола, правда, почитается неприличным и неблагородным, ибо он теперь несчастлив, но со временем может быть прощен, ибо нельзя положить пределов милосердию аллаха. Это объяснение меня успокоило. Я очень рад был за язидов, что они сатане не поклоняются; и заблуждения их показались мне уже гораздо простительнее» [Там же. С. 468].

Зачем, в таком случае, Пушкину потребовалось привлечь большее внимание к язидам? Известно, что эти выдержки на французском языке были сделаны писарем по прямому указанию Пушкина, однако до сих пор считается, что автор руководствовался исключительно этнографическими интересами, актуализируя исследовательскую часть «Путешествия», поэтому до сих пор эта выписка пристального внимания не привлекала. Учитывая во многом полемическое содержание пушкинского травелога, нельзя не обратить внимания на то, что столь обширное сообщение о малоизвестной мусульманской общности Кавказа имело только этнографическую задачу. Вероятным решением этой проблемы может быть сопоставление «*Notice sur la secte des Yézidis*» с декабристской темой «Путешествия». Основной концепт, вокруг которого строится «проблема язидов», – это отношение к дьяволу, но Пушкин не останавливается на опровержении «дьяволопоклонничества», смещая центр высказывания язидов на мысль о том, что дьявол «теперь несчастлив, но со временем может быть прощен» [Там же. С. 468]. Тема «Прощения дьявола» как традиционная тема мистических течений ислама, начиная со знаменитого Мансура ал-Халладжа, в травелоге не имеет мистических смыслов и должна быть рассмотрена в связи с изгнанием декабристов: если «дикие» народы, покоренные «просвещенным» абсолютизмом России, имеют благородство говорить о прощении «врага рода человеческого», то государственные преступления декабристов могут и должны быть прощены просвещенным христианским монархом.

Ориентализация пространства в пушкинском травелогe – сложный, полемический конструкт «антисентиментального путешествия» [13. С. 192], в котором движение на Восток зеркально отражается движением к истокам национальной идентичности русской культуры в контексте острых социально-политических вопросов. Соединение в русской культуре типично азиатских черт («сонность», «косность», «нелюбопытность», «невежественность»), которые являются прямым следствием установленной в России «просвещенной тирании», не было оценено Пушкиным однозначно отрицательно, поскольку это противоречило бы его принципам объективности в рассуждениях на глобальные темы. Вопрос объективности и относительности взаимоотношений концептов личности и власти был актуализирован после 1831 г., когда Пушкин был допущен к архивам коллегии иностранных дел и библиотеки Вольтера в Эрмитаже в связи с его намерением написать «Историю Петра». При этом основной текст материалов к «Истории Петра» был сформирован в течение 1835 г., когда был написан и травелог «Путешествие в Арзрум».

Арзрумский травелог продемонстрировал, что романтический «западно-восточный синтез» Пушкина в 1830-е гг. претерпел существенные изменения, наполняясь историософскими и культурологическими смыслами. Западно-восточные взаимосвязи травелога не

ограничиваются аллюзиями к современным событиям, а проецируются на весь исторический процесс. В этом случае интертекстуальные связи становятся более широкими. Например, неоднократно уже отмеченное тематическое и текстовое пересечение стихотворений «Стамбул гяуры нынче славят...» (1830) и «Кромешник» («Какая ночь! Мороз трескучий...», 1827) помещает в одно ассоциативное поле идеологемы тирании Махмуда II, Ивана IV, Петра I и, наконец, Николая I. При этом если деспотизм османского султана и Ивана Грозного имеет явный азиатский характер, то послепетровская тирания – атавизм, от которого никак не удается избавиться. «Восточный вопрос» Пушкина, отраженный в художественных и публицистических текстах 1830-х гг. – это не готовая концепция, предполагающая однозначный ответ, а диалогическое поле вопросов, «прямой и открытый разговор» [14. С. 168] об исторической и культурной роли России в эпоху активного «изобретения» концепций «Запада» и «Востока». Открытие и «присвоение» Востока русской культурой, по Пушкину, вполне оправдано и обосновано цивилизационной миссией России в мире, но если эта миссия будет противоречить общечеловеческим принципам, Россия продолжит свое историческое существование не в качестве субъекта, а в качестве объекта ориентализации просвещенных государств Западной Европы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hasan Md.M. The Orientalization of Gender // The American Journal of Islamic Social Sciences. 2005. № 22(4). P. 26–56.
2. Cochran P. Byron's Orientalism // Byron and Orientalism. Cambridge Scholar's Press, 2006. P. 1–6.
3. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.
4. Тьяньнов Ю.Н. О «Путешествии в Арзрум» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. С. 57–73.
5. *Voyages en Orient, entrepris par ordre du gouvernement français de 1830 à 1833. Deuxième voyage en Anatolie par V. Fontanier.* Paris, 1834.
6. Долинин А. Пушкин и Виктор Фонтанье // Европа в России : сб. статей. М., 2010. С. 105–124.
7. Левкович Я.Л. К цензурной истории «Путешествия в Арзрум» // Временник Пушкинской комиссии. 1964. Л., 1967. С. 34–37.
8. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 17 т. М., 1995. Т. 8, кн. 1, 2.
9. Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. Л., 1978.
10. Долинин А. Гяур под маской янычара: О стихотворении Пушкина «Стамбул гяуры нынче славят...» // Новое литературное обозрение. 2013. № 123. С. 184–200.
11. Олин В.Н. Критический взгляд на «Бахчисарайский фонтан», соч. А. Пушкина // Пушкин в прижизненной критике, 1820–1827. СПб., 1996. С. 198–202.
12. Фесенко Ю.П. Пушкин и Грибоедов: (Два эпизода творческих взаимоотношений) // Временник Пушкинской комиссии, 1980. Л., 1983. С. 101–113.
13. Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790–1840. СПб., 2004.
14. Кошелев В.А. Историософская оппозиция «Запад – Восток» в творческом сознании Пушкина // Пушкин и мир Востока. М., 1999. С. 157–170.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 27 марта 2014 г.

ORIENTALIZATION OF SPACE IN ALEXANDER PUSHKIN'S *JOURNEY TO ERZERUM*

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 5-12.

Alekseev Pavel V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: conceptia@mail.ru

Keywords: Alexander Pushkin; Journey to Erzerum; travelogue; Orientalism; orientalization; colonial discourse.

In this article, Pushkin's *Journey to Erzerum during the campaign in 1829* is considered as the most significant oriental travelogue in Russian literature of the first half of the 19th century. Description of a private travel of a Russian nobleman in Transcaucasia and Asiatic Turkey during the colonial wars of the Russian Empire considerably expanded the oriental discourse of Russian literature in the first half of the 19th century, forming a more complex and realistic image of the Orient. The main idea of the article is that Pushkin's *Journey* reflects the specific discourse of Russian Orientalism as a specific way of thinking based on a mythological representation of Russia's place in the world where the West (primarily Western European countries) and East (mainly Muslim territories) are a necessary means of reasserting of Russian national identity, oscillating between the poles of the East-Western dichotomy. The term "orientalization" in the article refers to the process of creative invention of a semiotic space in which it's endowed with specific features of the "Oriental" in the discourse of Orientalism. In the article in order to understand the orientalization mechanisms in the *Journey* the subject of orientalization (narrator) is analyzed. "Literariness" is considered as the basic principle of orientalization, i.e. the principle of outlining mythological borders in Pushkin's travelogue: demarcation of mythological borders between East and West is possible only in the cultural space. Domination (including sexual domination) is considered as the most important principle of orientalization in Pushkin's travelogue, because it shows the convergence point of cultures in terms of evaluation. The principle of European dominance in the *Journey* (including allusions to Peter the Great, General Ermolov and Napoleon) is largely similar to European travelers inventing Eastern Eu-

rope and Russia. Explicit and implicit allusions to the Decembrists, who actively participated in the military campaign of 1828-1829, significant thoughts about Aleksander Griboyedov and the appendix in French "Notice sur la secte des Yézidis" are analyzed within the conception of Oriental tyranny.

REFERENCES

1. Hasan Md.M. The Orientalization of Gender. *The American Journal of Islamic Social Sciences*, 2005, 22(4), pp. 26-56.
2. Cochran P. *Byron and Orientalism*. Cambridge Scholar's Press, 2006, pp. 1-6.
3. Wolff L. *Izobretaya Vostochnuyu Evropu: Karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniya* [Inventing Eastern Europe: the map of civilization in the minds of the Enlightenment]. Moscow, 2003.
4. Tynyanov Yu.N. O "Puteshestvii v Arzrum" [On the "Journey to Erzerum"]. In: *Pushkin: Vremennik Pushkinskoy komissii* [Pushkin: Annals of Pushkin Commission]. Moscow; Leningrad, 1936, pp. 57-73.
5. Voyages en Orient, entrepris par ordre du gouvernement français de 1830 à 1833. Deuxième voyage en Anatolie par V. Fontanier. Paris, 1834.
6. Dolinin A. *Pushkin i Viktor Fontan'e* [Pushkin and V. Fontanier]. In: Pesonen P., Obatnin G., Khuttunen T. (eds.) *Evropa v Rossii* [Europe in Russia]. Moscow; Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010, pp. 105-124.
7. Levkovich Ya. L. *K tsenzurnoy istorii "Puteshestviya v Arzrum"* [To the censorship history of "Journey to Arzrum"]. In: *Vremennik Pushkinskoy komissii, 1964* [Annals of Pushkin Commission, 1964]. Leningrad, 1967, pp. 34-37.
8. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochineniy v 17 t.* [Complete Works in 17 vols.]. Moscow, 1995. Vol. 8, books 1, 2.
9. Zhirmunskiy V.M. *Bayron i Pushkin. Pushkin i zapadnye literatury* [Byron and Pushkin. Pushkin and Western literature]. Leningrad, 1978.
10. Dolinin A. Gyaury pod maskoy yanychara: O stikhotvorenii Pushkina "Stambul gyaury nynche slavyat..." [A Gyaury under the guise of A Janissary: On Pushkin's poem "Gyaurs now praise Istanbul..."]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2013, no. 123, pp. 184-200.
11. Olin V.N. *Kriticheskiy vzglyad na "Bakhchisarayskiy fontan", sochineniye A. Pushkina* [A critical look at "The Fountain of Bakhchisarai", an opus by Pushkin]. In: *Pushkin v prizhiznennoy kritike, 1820-1827* [Pushkin in lifetime criticism. 1820-1827]. St. Petersburg, 1996, pp. 198-202.
12. Fesenko Yu.P. *Pushkin i Griboedov: (Dva epizoda tvorcheskikh vzaimootnosheniy)* [Pushkin and Griboedov (Two episodes creative relationship)]. In: *Vremennik Pushkinskoy komissii, 1980* [Annals of Pushkin Commission, 1980]. Leningrad, 1983 pp. 101-113.
13. Shenle A. *Podlinnost' i vymysel v avtorskom samosoznanii russkoy literatury puteshestviy. 1790-1840* [Authenticity and fiction in the author's identity of Russian travel literature. 1790-1840]. St. Petersburg, 2004.
14. Koshelev V.A. *Istoriografskaya oppozitsiya "Zapad-Vostok" v tvorcheskoy soznanii Pushkina* [Historiographical opposition "West-East" in the creative mind of Pushkin]. In: *Pushkin i mir Vostoka* [Pushkin and the Orient]. Moscow, 1999. S. 157-170.

Received: